

**Праведные братья
Иоанн и Василий Кривцовы
и Введенское богоугодное заведение**

В некогда Аккерманском уезде входившей в Российскую империю Бессарабии, в нынешнем Саратовском районе Одесской области Украины, раскинулось село Введенка, называвшееся раньше Введенское или Тамур.

Притом, что село Тамур-Введенское было расположено в глуши и удалении от почтовых и железных дорог, в нем при сельской церкви в 1847 году был учрежден странноприимный дом – богадельня – для пристанища престарелых бедняков, увечных, нищих и калек всякого рода.

Основателем этого в высшей степени благотельного учреждения был не какой-нибудь знатный вельможа и не богач-миллионер, а убогий 80-летний старец, уже более 40 лет как лишившийся зрения, без всяких связей с сильными мира сего, без мирского образования, даже без собственных денежных средств, возлагавший надежду на одного лишь Бога простой государственный крестьянин и праведный русский муж Иоанн Алексеевич Кривцов.

Родился он около 1797 года в селе Троицком Обоянского уезда Курской губернии, и, не получив никакого образования, лишь на 25-м году своей жизни самоучкой выучился читать и писать, и уже сам обучил грамоте своего меньшего брата Василия.

В 1827 году все их семейство, состоявшее из 25 человек, переселилось в Бессарабию и стало жить в селе Введенском.

Братья Иоанн и Василий Алексеевичи жили между собой образцово мирно, любовно и согласно. Их любимым занятием было чтение житий святых, а также сочинений святителя-чудотворца

Тихона, епископа Воронежского. И особенно они любили читать его сочинение «*О должностях христианских*». От этого у них возгорелось желание жить благочестиво. Так что днем они, как и все прочие семейства, занимались работами по хозяйству, а ночи проводили за чтением псалтири, акафистов и других молитвословий. Если и в обыкновенные дни их пищей были хлеб и вода, то в Великий пост они совсем ничего не ели по два дня и на протяжении всей первой и страстной седмиц.

Заботившие других хлопоты их больше не занимали, и даже стали им противны. Возненавидев всякую мирскую суету, праведники-братья постоянно и горячо просили Бога: *«Господи, ничего от Тебя не желаем, только спаси нас от сего суетного мира, чтобы мы могли исполнить то, чего желает душа наша – могли работать Тебе Единому, а не миру с его страстями»*.

Читая жития святого Алексия Человека Божия, преподобного Иоанна Кущника и других подвижников, которые оставили жен и родных, и тайно удалились в пустыни, они сами задумали было тайным образом уйти на Святую Афонскую Гору, оставив жен и родных детей, а у каждого из них их было по трое. Но в 1828 году, когда они уже были готовы в дальнюю дорогу, разгорелась война между Турцией и Россией, которая их невольно остановила. Братья поняли, что нет им благословения свыше, нет воли Божией, и остались на время в кругу своих близких.

Но, так и не терпя мирской стихии, Иоанн и Василий продолжали молить и просить Бога, избавить их от суеты семейной жизни, и Всеблагой и Премудрый наш Создатель, оставив их в мире,

управил их путь на духовную пользу многим. Он навсегда закрыл от них прелести видимого мира, лишив их зрения очей телесных, но зато открыл им душевные очи, видящие теперь мир духовный.

Началось все с того, что у обоих братьев заболели глаза. На них напала куриная слепота, наступающая в темноте и сумерки. Эта их болезнь продолжалась более двух лет, а в 1830 году после первой недели Великого поста у обоих братьев навсегда пропало зрение, из-за чего они лишились возможности уединяться для чтения и молитвы. В таком тяжком горе братья *возвергли*, по Писанию, *свою печаль на Господа, и Той препитал* их Своим Божественным откровением.

Василию в тонком сне явился святой Макарий Великий, и указал за селом место, где он с помощью брата Иоанна и вырыл землянку. А в пяти саженьях от той землянки Бог источил им из земли воду. Так что, едва вырыли два слепца там, где и солоноватая вода так легко не добывается, неглубокую (аршина на два) яму, как показалась приятная для питья пресная водица. Примечательно, что после смерти Василия этот чудесно ископанный источник иссяк и больше не возобновлялся.

В своей даже зимой нетопленной землянке уединялись они два года. И выходили из нее только летней порой во время полевых работ к своим родным, где на хозяйстве оставалась одна их дряхлая старуха-тетка. Они помогали ей месить хлеб, носить воду, толочь на пшено просо, плели веревки и лапти, и исправляли другие посильные работы.

Недремлющий враг нашего спасения видимо нападал на от-

шельников-братьев: иногда страшно сотрясал их землянку, угрожая ее на них обрушить, иногда казалось, как будто едет сверху землянки четверка лошадей; а иногда раздавались страшный крик, визг, шум и стуки.

В это время Василий трижды обходил землянку, читая молитву *Да воскреснет Бог*. После этого враг уже не мог приступить к ним близко, а только выл, как пес, на отдаленном от них расстоянии.

Случалось, что приводили к ним бесноватых. Но те, не доходя до землянки сажень пятнадцать или десять, падали на землю, после чего через полчаса или четверть часа сами приходили исцеленными и говорили, что, когда подходили к землянке, их обдувал страшный для них горячий воздух, и они от этого падали, но уже, слава Богу, чувствовали себя здоровыми.

Брат Василий однажды увидел, что перед ним разверзлась земля и открыла страшную бездну, где было множество эфиопов, которые суетились и со страхом между собой говорили: *«Вот явился новый Георгий Победоносец! Не знаем, куда нам деться: он нас всех побеждает!»*

Когда к нему приходили на беседу, он видел, как при входе к нему человека демон в образе черного пса остается за дверью, а светлый ангел сопровождает входящих.

Если кто из них не соблюдал установленных святой Церковью постных дней или ел часто и что попало, не помолившись, то Василию случалось видеть, что за стол садится не человек, а обжорное животное (свинья). А если кто соблюдал установленные посты, ел только в положенное время и, прочитав установленные молитвы, то

он видел сидящих за столом людей в их надлежащем образе.

Любимой и частой молитвой Василия был 102-й псалом *Благослови душе моя Господа! Господи, Боже мой, возвеличился еси зело...* Произнося эти слова, он до того горел желанием соединиться с Господом Иисусом, что у него ручьями лились из глаз слезы.

Пока окончательно не оставили его силы, он каждую ночь клал 1000 земных поклонов. И на голове его образовался большой струп от частых поклонов. Когда же его сняли, то вместе с ним сорвали с головы подвижника и волосы, и кожу, отчего у него образовалась большая плешина.

Ложем Василию была голая, сырая земля, а возглавием – деревянная колодка. Засыпал он лишь тогда, когда изнемогал от усталости. Как кладет, бывало, поклоны, и так и уснет ничком, и то немного. Проснувшись, опять начинал молиться и класть поклоны со свойственной ему жаждой подвигов из любви к Богу.

Однажды Василий, подобно Христа ради юродивому святому Андрею, был духом восхищен в Рай. Это было после утренних молитв. Молитвы по обыкновению читал Иоанн, а Василий клал земные поклоны. Окончив молитвы, Иоанн заметил, что Василий уснул в поклоне, и не стал его беспокоить.

Так в молчании прошло около часа, и Василий, проснувшись, начал рыдать и плакать. Иоанн спросил его: *«Что с тобой случилось?»*

– *Ты не знаешь, брат,* – сказал Василий, – *я, грешный и недостойный, был в Раю и что там видел! Меня двое светлых юношей привели к вратам райским. Изнутри какой-то дивный голос спросил*

*их: Кто новоприбывший с вами? Они ответили: Преподобномученик Василий.*¹

Тогда врата, по его рассказу, отворились, и их встретили новые светлые юноши, которые облобызали Василия, надели на него белую одежду, ввели в рай и показали ему особые райские обители святых пророков, апостолов, святителей, преподобных, мучеников, юношей и младенцев, и подвели его поклониться Матери Божией. Она взяла его на руки, и, подержав немного, поцеловала и отпустила. Все обители находились в саду между деревьями с позолоченной листвою. Деревья те, как будто живые, колыхались и производили едва заметный, но дивный и приятный шелест. Над Райским садом было распростерто светлое, немерцающее, как будто одно беспредельное яркое солнце, небо. А воздух был подобен тончайшему туману, и при вдыхании производил ощущение необыкновенной сладости и неопишуемого благоухания. Этим воздухом, говорили ему провожавшие его юноши, и питаются райские обитатели.

От этих обителей повели Василия на некоторое возвышенное место, где он узрел Самого Иисуса Христа, Сына Божия в окружении сонма ангелов, Иоанна Крестителя, Симеона Богоприимца с другими святыми, и повергся к ногам Господним. Спаситель сказал ему: *«Встань и читай Верую... и Да воскреснет Бог...»*. А когда Василий исполнил это, Спаситель дал ему круглый шар, светлый как солнце, говоря: *«Прими этот Свет, который просвещает и освя-*

---

¹ Вероятно, Василий назван преподобномучеником потому, что вел самую строгую и мучительную для тела подвижническую жизнь.

щает всякого грядущего в мир человека, прими Святого Духа». И Василий трепетно и благоговейно прижал его к своему сердцу.

Тогда Спаситель сказал: «Отведите его на свое место: еще ему не время здесь остаться. Пусть еще немного потерпит...».

Придя в себя, Василий все еще видел перед собой необыкновенный свет и ощущал неопишное благоухание, и стал плакать.

Однажды тоже после молитвы, он в тонком сне увидел, будто сам, своими руками схватил свое тело, и совершенно избив его о древо, бросил.

Таковы были дивные видения подвижника Христова, Василия Алексеевича Кривцова.

Недолго Василий уединялся в вырытой ими землянке; недолго утешался Иоанн Алексеевич его ангелоподобной жизнью, и немного услаждались и пользовались его наставлениями и происходящими по его молитвам чудесными исцелениями страждущие разными недугами и болезнями люди. Через два года своих строгих подвигов в землянке, он отошел к Богу.

В предсмертное время Василий всякий день и час готовился к исходу из этого мира. Он предсказал свою кончину, говоря за две недели до смерти: *«Я на святого Спиридона Тримифунтского оставлю тебя, брат, одного: с солнечным восходом отойду из сего мира».*

И, действительно, в день святителя Спиридона, с восходом солнца, произнеся слова: *«Господи, помилуй меня грешного! Пресвятая Богородице, спаси мя! Все святые, примите меня грешного!»* – Василий испустил свой дух, и душа его отлетела туда, куда она уже

воспаряла, еще пребывая в теле.

Предсказывая свою кончину, Василий Алексеевич Кривцов говорил и о будущей церкви в Введенском-Тамуре и о будущих к ней пристройках, о чудотворной иконе, большом стечении народа, чудесных исцелениях, добавляя при этом: *«Веруй, брат, истинно все будет. Еще тебе скажу: кто только доживет, будет на этом месте 40 мощей святых угодников Божиих».*

Предсказанное Василием со временем исполнилось, так же, как и кончина его последовала, как он и говорил, в день святого Спиридона, с солнечным восходом. Все это стало известно из рассказов старца Иоанна, который, часто распространяясь относительно образа жизни и духовных видений своего праведного брата, по христианскому смирению умалчивал о себе и о своих подвигах, которые все же, как и *стоящий на верху горы город*,² не могли, по слову Господа Иисуса, укрыться от взоров боголюбивых рабов Божиих, и сами собой свидетельствовали о его святой жизни.

Из благочестивых посетителей живших в землянке Иоанна и Василия были замечательны две введенские поселянки: замужняя женщина Агафья Першина и девица Страхова Анастасия. Обе они часто приходили к ним на духовную беседу и нередко стояли вместе с ними на правиле, участвуя в их бдениях и молитвословиях. Обе, как простые и неграмотные, заучили по киевскому букварю все молитвы на память. Почти каждый год путешествовали они за 600 верст в Киев на богомолье. И до того были милосердны к бедным, что готовы были отдать неимущим и последние свои платья. В

---

² Мф. 5, 14.

праздничные и воскресные дни они первыми приходили в церковь к богослужению, и последними из нее выходили.

В скором времени после кончины Василия, в 1833 году, Агафья стала сказывать людям, что, когда она была больна, ей представилось, что она выйдет из этой болезни, но скоро умрет. Муж пригласил по ее просьбе священника для того, чтобы ее напутствовать. И она исповедалась и Причастилась.

После этого к ней был голос: *«Вот это начало твоей новой жизни. Я – Божия Матерь, и говорю тебе: Не грехи уже более. Попроси и своего мужа, чтобы он тебя больше не беспокоил, и жил бы с тобой несмешно».*

И муж ее, как добрый христианин, согласился на ее просьбу, хотя оба были еще не стары: ему было под 36 лет, а ей – 30.

В другой раз тот же голос сказал ей: *«Оставь есть мясо: от этого у тебя такой смрад, что Я не могу к тебе приблизиться».*

Агафья послушалась, и не стала более употреблять мясное. Не могла теперь есть она и молочную пищу. Если же иногда съедала что-либо молочное, то сейчас же его изблевывала.

Однажды летней порой она пошла одна жать рожь на ниву, и здесь заговорил к ней тот же голос: *«Воспой Господа и Меня возрадуй!»*

Услышав эти слова, она испугалась, и от страха ушла на другую – отдаленную – ниву. Но и здесь повторилось к ней то же слово. Она хотела было уйти и отсюда, но голос сказал ей: *«Куда ты уйдешь от Меня? Я – Божия Мать. Возвесели Меня, пропой молитвы!»* Агафья отвечала: *«Я петь не умею».* А Божия Матерь ей го-

ворит: *«Так слушай! Я тебя научу, – и Сама запела невыразимо приятным напевом: «Святый Боже, Святый Крепкий, Святый Безсмертный, помилуй нас» и «Пресвятая Богородице, спаси нас!»*

Агафья этот небесный напев запомнила, и научила так же петь немало введенских христороубцев; впоследствии эти напевы употреблялись также и священнослужителями Введенского богоугодного заведения.

В другой раз тот же голос говорил ей: *«Не сказывай о Моих откровениях другим людям: тебе никто не поверит. А иди к старцу Иоанну Алексеевичу. Ему расскажи: только он тебе поверит».*

Тогда Агафья пошла к Иоанну Алексеевичу и в первый раз рассказала ему о бывших ей откровениях.

Старец, слушая этот рассказ, сначала был в нерешительности, и, как потом он передавал, думал: *«Не искушение ли это с ней, не вражья ли это прелесть?»*

Потом, читая духом молитву *«Да воскреснет Бог и рассуждая: «Ведь она исповедовалась и Святых Таин приобщилась; ей велено жить целомудренно. Ее голос выучил петь ангельскую песнь и Пресвятая Богородице, спаси нас, на таком приятном напеве».* И, обдумав все это, пришел к заключению: *«Нет, – это не искушение, а Божие откровение на пользу и спасение людям».*

Тогда объяло его и до трех раз ему повторилось такое неопишимо приятное благоухание, что на языке человеческом выразить его трудно и вряд ли невозможно.

Агафья сказывала также: *«Вот, в скором времени будет мне помощницей девица Анастасия. Она будет пророчествовать, и*

наставлять и учить людей по внушению Святого Духа».

Анастасия, слыша слова Агафьи, осеняла себя крестным знаменем и просила: *«Господи, избави меня от этого страшного для меня послушания».*

Агафья же ей в ответ говорила: *«Как же можно отказаться от этого, если Сам Господь благословляет нас проповедовать людям? Мы сами не знаем того, о чем говорим. Даже страшимся того, что Господь велит нам делать: сами мы – мирские, простые, неученые, да еще грешные жены, но Дух Святой говорит нашими грешными и скверными устами».*

Так все и вышло: через два с половиной месяца после этого Дух Святой стал говорить и учить народ и устами Анастасии, хотя она этого всячески не желала, и по своей скромности, до этого стыдилась даже заговорить с посторонним человеком. И, как и в апостольские времена *никогда пророчество не было произносимо по воле человеческой, но изрекали его святые Божии человеки, будучи движимы Духом Святым,*³ так и с ними было.

«Православные христиане, – взывали Агафья и Анастасия, когда на них сходил Дух Божий, – молитесь Богу; подавайте милостыню; любите друг друга. Без молитвы ничего не начинайте; всегда знаменуйте и себя, и посуду крестным знаменем, и капли воды не пейте без молитвы. Как словом Божиим и молитвой освящается наша жизнь, все наше поведение, наша пища, питье и все наши дела, так вражескими кознями и нашим нерадением все это оскверняется и повреждается. Отчего, вы думаете, у нас гор-

---

³ 2 Петр. 1, 21.

дость, злоба, жадность, скупость, сквернословие, объедение, пьянство, блуд, мошенничество, воровство, убийство и прочие пороки? Все от того что мы забываемся, поступаем без молитвы, едим без молитвы. Напившись, не благодарим Бога, а враг, как тень за телом, ходит за нами и оскверняет нас такими и подобными пороками. Худо, если мы принимаемся за пищу, питье, или за какое дело без молитвы!»

А при встрече с людьми порочными они иногда громогласно обличали их в другим неизвестных пороках, обличали, несмотря на лица. Особенно часто делала это девица Анастасия.

Так, однажды, во время рождественских праздников, она обличила священника в нетрезвости, говоря: *«Батюшка, недостойны быть священником, – тебе подобает винопродавцем быть, а не священником. Как же ты можешь учить людей не пьянствовать и прочему, когда ты сам таков?! Ты за это страдаешь!»*

Священник, рассердившись на нее, распорядился привязать ее раздетой к столпу возле церкви и держать целый день на холоде. Но скоро этот священник лишен был прихода, и более 30 лет, до самой смерти, скитался, не имея насущного пропитания.

Не раз Дух Святой обращался к народу устами Агафьи и Анастасии в речах простых и самых обыкновенных: *«Мои пророчицы, (так Он называл их) простые, неученые. Они ничего, о чем говорят и как говорят, не знают. Они сами без Меня не могут сказать вам ни одного слова. Вот более Я не буду говорить их устами, – видите? Они умолкли».*

Затем, несколько помолчав, Он снова проговорил: *«Они без*

Меня не знают и не умеют ничего говорить к вам. Теперь, как хотите, поступайте с ними: судите их, накажите, хоть в тюрьму сажайте!»

Близкие к ним слушатели не раз их спрашивали затем: *«Что вы нам говорили и чему нас учили?»* И всегда слышали в ответ одно и то же: *«Мы ничего не знаем и не помним из того, о чем вам говорим и чему вас учим».*

Идя однажды в Киев на богомолье, Агафья зашла по пути к известному рабу и угоднику Божию, Балтскому священнику Феодосию Левицкому. И только получила у него благословение, – на нее, как на евнуха Муринской (Эфиопской) царицы, *сошел Дух Святой*,⁴ и заговорил возвышенным голосом ее устами: *«Ну, пророчица моя Агафья, возрадуй раба Моего, иерея Феодосия пением!»* И она запела *Святой Боже* на том самом ангельском напеве так трогательно и приятно, что отец Феодосий, старец Иоанн и все бывшие там тогда люди заплакали и зарыдали, как малые дети.

Когда же все успокоились, и сама Агафья, придя в естественное состояние, стала стесняться и говорить: *«Что я наделала! Как мне стыдно!»* Тогда отец Феодосий, успокаивая ее, ответил: *«Нет, раба Божия, не стыдись, успокойся: это делается с тобой не для тебя, а для окружающих тебя и ищущих спасения – на их душевную пользу. И апостолу Павлу Спаситель открыл Себя не для Павла, а для просвещения и спасения верующих Павловой проповеди».*

Но это было уже позже, а до этого, расставшись с братом, или, как сам старец Иоанн обыкновенно говорил, с духовным своим от-

---

⁴ Деян. 8, 39.

цом Василием, он затужил, как осиротевшая горлица, и стал искать себе, как жаждущий *олень источник живой воды*, духовного спутника и путеводителя.

Для этого он каждый год ходил пешком на богомолье в Киев. А путь его лежал через входивший тогда в Подольскую губернию город Балту, где жил в то время известный необыкновенными подвигами благочестия и дивный странноприимец, настоятель Свято-Никольской церкви, священник Феодосий Левицкий. О нем и говорил впоследствии замечательный слепец Иоанн Алексеевич, что нашел себе путеводителя в Балте.

Вскоре после этого он поступил в 1835 году в его странноприимницу, прожил там 10 лет до кончины отца Феодосия и был его любимым учеником, ближайшим собеседником и сподвижником в ночных бдениях и молитвословиях.

Перед своей кончиной отец Феодосий снял с себя Казанскую икону Богородицы и, троекратно осенив ею Иоанна Кривцова, сказал: *«Вот тебе Казанская икона Богоматери, которая меня всю жизнь хранила и на путь истинный наставляла. Я ее тебе передаю, – это тебе залог, чтобы ты призревал страждущих братьев Христовых. Искренне о них я заботился, и тебе поручаю, чтобы ты этого места (Балтской странноприимницы) не оставил, – разве тебя отсюда изгонят. Вот тебе и платок (и вручил ему новый платок). Это означает плод добрых дел. И просфора, – сказал он, вручая ему большую просфору. – Это символ слова Божия для раздачи верующим в Иисуса Христа православным людям».*

– Ты помнишь, как вступил первый раз в мою келью, что было?

– спросил его этот праведный священник.

– *Дождь*, – говорит Иоанн, припомнив, что тогда было.

– *Дождь*, – сказал отец Феодосий, – *означает слово Божие, а мы и весь мир – земля. Мы без слова Божия – земля безводная. Между мною и тобою пошел дождь, значит, от меня к тебе перейдет слово Божие. Как я учил и наставлял людей жить благочестиво, так и ты после меня будешь учить и наставлять обращающихся к тебе за наставлением.*

Тебе я оставляю и то, как меня рабы Божии любили, всем снабжали и все мне доставляли. Так и тебя будут любить и всем снабжать. Только прошу тебя стоять крепко, что случится с тобою, терпеть с любовью, и молиться беспрестанно, а прочее все тебе приложится.

Благодарю Бога моего: Он исполнил желание моего сердца: вот отстроена новая гостиница, и обеспечение есть: два сада и 400 десятин земли. Но не успел я еще утвердить существование странноприимницы на законном основании. Скорблю об этом, но, видно, так угодно Богу, и исполнится евангельское слово: Поражу пастыря и рассеются овцы стада.⁵

Здесь (в Балте) на время умрет, а у вас (в Введенском-Тамуре) воскреснет. Здесь разорится, а у вас созиждется. Здесь иссохнет, а у вас процветет.

Но надеюсь и крепко уповаю на милость Божию, что Господь никому не отказывает из просящих с верой, – и это место (Балтская богадельня) в свое время воскреснет и возобновится.

---

⁵ Мф. 26, 31.

На это самое указывает и бывшее некоему рабу Божию видение: хорошо устроенный каменный мост от Балты до Введенского. Это означает, что обе эти обители со временем будут устроены, соединены одним духом, и единодушно, едиными устами и единым сердцем славословить будут Бога, Единого в Троице славимого Отца, и Сына и Святого Духа.

Верный своему другу и наставнику отцу Феодосию Левицкому слепец Иоанн Алексеевич прожил в его странноприимнице после его кончины еще два года. Пока не исполнилось то, что праведный Феодосий предсказал перед смертью: гражданские власти стали преследовать его странников и говорить им: *«Зачем вы сюда собрались? Теперь некому вас кормить и потворствовать таким бродягам и тунеядцам»*. Беспаспортных стали арестовывать и сажать в тюрьму и разгоняли прочих. И тогда Иоанн Алексеевич с двумя своими учениками, Петром и Кондратием, обратно переселился в село Введенское-Тамур. Случилось это в 1847 году, когда он встретил свое 50-е лето.

Здесь на новом месте он основал, по слову своего старца-священника Феодосия, пристанище для немощных бедняков и, таким образом, продолжил начатое им в Балте богоугодное дело в пользу меньших Христовых братьев.

Сам Иоанн в тонком сне видел насчет этого следующее откровение: на месте, где впоследствии им было устроено богоугодное заведение, стояли новая большая, как в Киево-Печерской Лавре, церковь, и такая же колокольня, вершина которой достигала до облаков, а себя он видел на самой верхушке одного ее креста, откуда,

воздев руки, как на крыльях, с легкостью и приятностью спустился на землю. В другой раз, он тоже в тонком сне увидел на том месте обширнейший город с различными красивыми постройками.

Прозорливицам Агафье Першиной и Анастасии Страховой Господь также открыл славу будущего Тамурского благотворительного заведения.

«Люди православные, – говорили (указывая на будущее место богоугодного заведения) пророчицы Агафья и Анастасия, – кабы вы знали, что на этом месте будет, какая великая благодать здесь будет! Такая будет благодать, что те, кто придут сюда помолиться, издали, как только взглянут на это место, прежде будут становиться на колени, вспомнят свои грехи, прольют слезы покаяния и тогда уже подступят к этому месту».

Заметив же, что им мало верят, они говорили: *«Жалко, рабы Божии, что вы нам не верите, считаете нас бесноватыми, и называете сумасшедшими. Вы, по крайней мере, заметили бы, что бесноватые никогда не хотят идти в церковь, но Мои рабыни (здесь уже Дух Святой, как и во многих других случаях, говорил их устами, как совершенно особая Личность), едва услышат звон к началу богослужения, первыми летят, как на крыльях, в церковь, а последними выходят.*

Бесноватым всегда противен ладан; они не хотят причаститься Святых Таин. Моих же рабынь хоть всегда кади ладаном, и причащаются они с большим благоговением. Я не Сам (продолжал возглашать Святой Дух их устами) сошел на это место, а Меня умоляли дни и ночи, упросили и получили рабы мои Василий и Иоанн»

(указывая на те обстоятельства из жизни Василия, когда он восхищен был Духом в Рай, и сподобился получить от Спасителя дар Духа Святого в виде светлой, как солнце, сферы).

В Введенском-Тамуре была тогда одна лишь основанная в 1834 году валькованная с перегородкой (как делают мазанки-избы) бедная церковь, но Агафья и Анастасия, подобно Василию, громогласно говорили: *«На сем месте просияет солнце. Солнце, солнце просияет, – возглашали они, – и будет на сем месте второй Киев, Киев будет и ежедневное богослужение, беспрестанное чтение псалтири, будет и чудотворная икона Божией Матери. Будет большое стечение народа, и многие будут получать душевное и телесное исцеление».*

Сподобились видений насчет этого же учреждения и несколько других благочестивых женщин.

Одна раба Божия, по имени Мелания, тоже в тонком сне, увидела на том месте обширнейший и необыкновенно красивый сад, и слышала неописуемо приятное и удивительное пение птиц разными голосами.

Другая благочестивая женщина увидела, что на том месте выросло огромное дерево, высотой до самого неба.

Третья благочестивая раба Божия, по имени Екатерина, тоже в тонком сне-откровении, увидела на воздухе, над тем местом, где устроили заведение, икону Божией Матери и бесчисленное множество смотревшего вверх народа. Все воздевали руки к небу и троекратно по-гречески зывали: *«Кирие элейсон» (Господи помилуй)*, а Божия Матерь благословляла всех и окропляла святой водою.

Свидетельствовал по вдохновению свыше о заведении в Тамуре и еще один христороубец. В городе Аккермане (нынешнем Белгород-Днестровске) около полувека жил некто Прокопий, уроженец полтавской губернии, известный своей святой и богоугодной жизнью, но тщательно скрывавший себя под личиной юродства. В пятидесятых и шестидесятых годах XIX века, путешественников, идущих из Одессы и других мест в село Тамур-Введенское, Прокопий встречал и сопровождал словами: *«Куды вас Бог проведыть?»*

– *В Тамур*, – отвечали они.

– *Ну идите, идите, – ондычка, тут недалэко за гору, там новый Киев, Киев!.. Там два Иваны (старцы Иоанн Кривцов и Иоанн Горбов) гарну горилку роблять и вам дадуть (напоят той водой, от которой человек уже не возжаждет, то есть научат благочестию). Там отець Якив (имя данное старцу Иоанну Алексеевичу Кривцову в тайном постриге, о чем он никому не открывал) чытае Евангелию всим людям. Вин и вам прочытае молитву, и навчыть, як трэба жыты по Божому.*

Первоначально в 1847 году Иоанн Алексеевич и два его спутника кое-как приютились при местной церкви села Введенского. Но скоро нашелся благодетель, который выстроил им при этой церкви две кельи. В эти-то кельи пришельцы и начали принимать увечных и престарелых, питали их и ухаживали за ними.

За последующие 27 лет этот первоначально крошечный приют сделался обширным пристанищем для хромых, совершенно безногих, ползающих на четвереньках, безруких, слепых, расслабленных

жилами (парализованных), страждущих падучей болезнью (эпилепсией), застарелыми ранами и им подобных.

Теперь на месте двух первых келий выросло состоящее более чем из сорока келий огромное здание, обнесенное каменной оградой. Заведение имело теплую церковь в трапезной и другую, холодную, которая с развитием благотворительного дела оказалась тесной для притекающих в заведение богомольцев. При заведении были устроены также мужская и женская больницы и аптека со всеми необходимыми лекарствами. Были тут теперь и мужская и женская богадельни, училище для круглых сирот и крестьянских детей, странноприимница и гостиница для приходящих и приезжающих богомольцев.

Кроме постоянно призываемых, в течение года в заведение обращались от пяти до девяти и более тысяч бедных жителей из Введенского и других сел округа, которые снабжались семенами на посев хлеба, деньгами, одеждой, пищей, рожью, пшеницей и другими предметами жизни.

Таким образом, вера старца Иоанна Кривцова в помощь Божию и в пророческое предсмертное слово его праведного старца отца Феодосия не осталась тщетной.

Долгое время Введенское заведение существовало личными неусыпными заботами Иоанна Алексеевича Кривцова и его достойного сотрудника, редкого по благочестию даже среди прежних иереев Божиих отца Иоанна Горбова. А 31 октября 1870 года для официального управления заведением было учреждено православное Покрово-Богородичное братство. И при нем были открыты

вышеупомянутые приют для круглых сирот и училище для польских детей.

По его Уставу первоначальный состав братства образовался из его учредителей – христиан обоюбого пола, всех состояний и званий.

Поступающим затем в братство членам присваивалось звание *почетных*, для внесших в пользу братства не менее 100 рублей или вносящих по 15 рублей ежегодно; *действительных*, для вносивших ежегодно по 8 рублей, или 50 рублей единовременно; *соревнователей*, жертвующих единовременно от 24 до 30 рублей, или трудящихся на пользу заведения, и – вносящих единовременно от 5 до 10 рублей *благодетелей*.

Каждый член братства имел право в определенное правлением время обозревать его благотворительное заведение. И мог устно или письменно докладывать о замеченных им недостатках.

Имена учредителей братства и его почетных членов навсегда вносились в особо заведенный синодик, и поминались о здравии при жизни и об упокоении по их смерти в молитвах на Божественной литургии; имена же прочих членов поминались только в то время, пока они состояли в звании членов, а по смерти – в течение года.

Прием желающих поступить в заведение совершался по законным документам об их звании.

По установленному в заведении общему правилу его двери были всегда открыты всякому приходящему, и, кроме того, здесь было принято, по мере средств и возможности, не отказывать никому из тех, кто обращался туда за временным пособием или пищей.

Как уже говорилось, братство обустроило дом и основало

училище, в котором обучалось от 50 до 60 мальчиков и девочек – детей-сирот и детей бедных поселенцев.

Их обучал семейный учитель. Братство платило ему 300 рублей в год за это, и, кроме того, обеспечивало его квартирой, прислугой и готовым столом для него самого и его семейства.

Поселяне сначала неохотно отдавали своих детей в это даровое и уже одним этим выгодное для них обучение. Поэтому членам братства нередко приходилось самим ходить по домам поселян с тем, чтобы приглашать и склонять родителей отдавать своих детей в училище.

Уговаривая родителей, они и самих детей ласками и лакомствами располагали к обучению грамоте. Само собой разумеется, что дети ради Господа снабжались от братства всеми учебными книгами, бумагой, перьями, карандашами и другими учебными принадлежностями.

Надо было видеть, как некоторые из родителей, не хотевшие было обучать своих детей грамоте, сами теперь приводили их в училище и заботились об их обучении и воспитании. Некоторые из них никогда прежде или очень редко и в праздничные, и воскресные дни ходившие в церковь, спешили теперь туда раньше прочих, чтобы с радостью послушать, как их дети поют и читают на клиросе. И горячо благодарили и прославляли дивного и преблагого Бога, вразумившего и просветившего их деток.

Потому-то родители, которые до этого проводили воскресные и праздничные дни в пьянстве и непотребстве, в ссорах, бесчинствах и пересудах, скромно проводили теперь эти святые дни в кругу се-

мейства, заставляя своих грамотных детей читать им жития святых и другие душеполезные книги.

Если же они узнавали про болезни своих родственников и знакомых, спешили в эти дни навестить их и утешить. Или разбирали возникавшие у родных неудовольствия и споры, и старались примирить враждующих. И вообще проводили время так, как следует проводить эти дни истинным христианам.

Не менее утешительно было видеть и то, как самые малые ребята, наученные старшими или просто побуждаемые их примером, сами просили, чтобы те, кто уже обучался, взяли их в училище, потому что и они хотят учиться. Их тоже охотно принимали в училище, и обучали грамоте.

Бывали и такие случаи, что родители запрещали детям ходить в училище, и те тайком от них туда ходили, учились наряду с прочими, нередко оказывая большие успехи, нежели те, кого посылали в училище и принуждали учиться сами родители.

В больнице братства, как у евангельской овчей купели, лежало множество страдальцев. Эти немощные и больные младшие братья Христовы пользовались здесь самым внимательным уходом. За ними ухаживали христоролюбивые мужчины и женщины, сами избравшие и с истинно христианской любовью совершающие этот подвиг. Они прибывали в заведение, будучи сами одержимы болезнями и недугами, по большей части падучей болезнью. И получив здесь исцеление или облегчение в своих недугах от чудотворного лика Иерусалимской иконы Божией Матери, они давали обет служить ради Господа другим страдальцам. И без всякого возна-

граждения пекли, стряпали, варили, обмывали, обшивали этих страдальцев, и давали назначенные им из имеющихся в аптеке заведения лекарства.

В известное время сюда приезжал лекарь из соседних немецких поселений, который тоже ради Господа навещал болящих, и давал указания какими лекарствами и как их пользоваться.

Случалось также, что в заведение из окрестных мест привозили людей, заболевших во время полевых работ, и лечили их до выздоровления. Иногда же таких страдальцев клали ночью у входа, никому о том не объявляя. И заведение и их не оставляло без своего присмотра и ухода.

Священнослужители братства неутомимо совершали молебны, акафисты, водоосвящения во здравие и спасение недугующих, служили ежедневные заздравные и заупокойные обедни, молились за благодетелей, и поминали их при неусыпном чтении псалтири.

Над больными совершали елеосвящение, напутствовали их Святыми Таинами.

В случае кончины, отпевали преставившегося, поминали его на обедне шесть недель кряду, или служили сорокоусты. Поминали их и при чтении псалтири.

Братство одевало покойников и предавало их земле с подобающею честью, ни от кого не требуя никакой платы или вознаграждения ни в пользу заведения, ни его священнослужителям.

Нельзя умолчать о том, сколько страждущих неизлечимыми недугами и болезнями несчастных получило в Введенском чудесное исцеление или облегчение в своих страданиях от молитв перед чу-

дотворным ликом Божией Матери. Следует упомянуть здесь и о том, что множество народа Великим и Успенским постами, и в дни великих праздников притекало сюда, чтобы насладиться стройным богослужением, исповедаться, приобщиться святых Христовых Тайн, или же побеседовать на пользу души со старцем Иоанном Кривцовым и другими Христовыми рабами.

Тамурское богоугодное заведение служило и телесным нуждам народа, когда в нижнем краю Бессарабии в 1873 году по случаю бездождия был совершенный неурожай хлеба, овощей и травы, в 1874 году истребили урожай жучки и другие вредные насекомые, а в 1875 году опять случился неурожай из-за засухи.

В это время сюда обращались вдовы, сироты, бедняки и другие посетители, за пищей, хлебом в зерне на семена и на пропитание, за деньгами, за одеждой, и для богомолья. Каждый Божий день приходили за пособием от 50 до 100 человек и более. И все эти бедняки возвращались оттуда с радостными и сияющими лицами.

Среди живущих в селе Введенском-Тамуре людей и посещающих его богоугодное заведение, не слышно было безобразного матерного или черного слова, не было душетленных речей и гораздо реже, чем в других местностях встречались ведущие нетрезвый, порочный образ жизни. Введенские богомольцы нередко передавали, что многие их родственники или знакомые погрязли было в разных пороках, но благодаря знакомству с Введенским заведением и его основателем Иоанном Алексеевичем Кривцовым, стали проводить жизнь трезвую и честную, и старались теперь и других обратить на путь истины и спасения.

Когда в 1856, 1857, 1858 годы на квартирах в городе Аккермане стоял стрелковый батальон из 500 воинов, они, узнав о Введенском заведении и его основателе, каждую ночь за 60 верст приходили пешком по шесть-десять и более человек в село Введенское на духовную беседу со старцем Иоанном, а на другой день, по окончании Литургии, возвращались в Аккерман. И вследствие их знакомства с Введенским заведением и беседы со старцем, они уже избегали пустых разговоров, черных, матерных слов и проклятий.

Говоря о значении Введенского заведения, обеспечивающее его деятельность Покрово-Богородичное братство подчеркивало, что непререкаемой благотворительной целью его учреждения было и оставалось накормить голодного, одеть нагого, посетить больного, принять и упокоить странствующего, навестить хромого, безногого, безрукого, слепого, научить несведущего, погresti умершего в убожестве, совершать ежедневные задравные службы и другие молитвословия о здравии и спасении благотворителей и призреваемых, а также заупокойные обедни, литии, панихиды, и неусыпно читать псалтирь о преставившихся. И, хотя заведение не имело значительных капиталов, земли и каких-либо других угодий, оно поддерживалось тем общим сочувствием, любовью и уважением, которые боголюбивые рабы Божии питали к его основателю, старцу Иоанну Кривцову и его достойному сотруднику, священнику Иоанну Горбову.

Эти Божии избранники с ранних лет жизни презрели мир и *все*,

что в мире, и Бог, возлюбив их, *обильно*⁶ в них вселился. Они оставили ради Господа супружескую жизнь и родных, прилепились к Нему всей душой и всем сердцем, и проводили все свои дни и ночи в постах, бдениях, молитвах и постоянных трудах на пользу ближних. Смешно в супружестве Иоанн Кривцов прожил около 10 лет, а Иоанн Горбов – 8. И после этого первый из них более 50 лет, а второй – более 40 вели строгую подвижническую жизнь, спасаясь сами и многих спасая своими страннолюбием и милостынями. При этом Иоанн Алексеевич нередко скидывал с себя и отдавал неимущему последнюю рубаху, а иерей Божий Иоанн Горбов 40 лет ежедневно служил обедни. Большую часть ночей он проводил в непрестанном чтении псалтири. Спал же либо в сидячем положении, либо, как клал земные поклоны, так и засыпал понемногу ничком. И Господь породил им бесчисленных чад духовных (посещающих это заведение для богомолий или за пособием в течение года бывало иногда 20000, а иногда и около 30000 народа) не только со всего пространства обширного тогда их Отечества, но и из-за его пределов.

Оба праведника отложили заботы о своих тленных телесных храминах и житейских нуждах, и Господь вселил их в Своем небесном доме. Они добровольно обнищали ради Бога, но Сам Спаситель засвидетельствовал и их несчетные богатства, когда говорил: *«Нет никого, кто оставил бы дом, или братьев, или сестер, или отца, или мать, или жену, или детей, или земли, ради Меня и Евангелия, и не получил бы ныне, во время сие, среди гонений, во сто крат более домов, и братьев, и сестер, и отцев, и матерей, и детей,*

---

⁶ Колос. 3, 16.

*и земель, а веке грядущем жизни вечной».*⁷ Так что они оба нищетою стяжали богатая, о чем говорил и Апостол: «*Мы нищи, но многих обогащаем; мы ничего не имеем, но всем обладаем*».⁸

Пока эта Божия двоица находилась в живых, все призреваемые их заведением имели все необходимое, и все обращающиеся к ним с разными нуждами получали просимое; но, к общему сожалению, эти избранники Божии были уже на закате своих дней: старцу Иоанну Кривцову было уже под 80 лет, а священнику Иоанну – за 70. Между тем их обширное благотворительное заведение не имело стабильного обеспечения и его существование без них самих на будущее время никем и ничем обеспечено не было.

За год до блаженной кончины старца Иоанна Алексеевича Кривцова (в монашестве Иакова) о значении и необходимости созданного им по благословению и пророчеству праведного иерея Феодосия Левицкого Тамурского благотворительного заведения в Бессарабии красноречиво говорит нижеследующее «Извлечение из отчета о действиях Введенского Покрово-Богородичного братства в Бессарабии Аккерманского уезда, села Введенского (Тамура), за четвертый год его существования, с 1 октября 1874 по 1 октября 1875 года».

Тогдашнее существование Введенского богоугодного заведения было особенно благотворно по следующим причинам:

Бессарабия была пограничным краем, населенным разноплеменным народом. В то время в ней заметно размножились испове-

---

⁷ Мк. 10, 29-30.

⁸ 2 Кор. 6, 10.

довавшее противохристианский иудаизм еврейское население и закосневшие в своих заблуждениях русские староверы. Притом, что они были мало расположены к общению с людьми не своей веры, и те, и другие отличались враждебностью к православному населению, и стремились к материальному преобладанию над православным народом и его нравственному унижению при любом подходящем случае. А Бессарабия почти каждое лето подвергалась или засухе или неурожаю хлеба, травы, овощей и плодов, или истреблению урожая изобиловавшими там вредными насекомыми. Особенно в нижней части Бессарабии, где и располагалось Введенское заведение.

По этим причинам существование здесь богоугодного заведения было более чем необходимо и благотворно.

Оно было необходимо, как единственное в своем роде богоугодное заведение Бессарабии. Было незаменимо для поддержки и помощи страждущим и всегда многочисленным в этом крае беднякам. Оно было нужно и как приют и место для воспитания круглых сирот. Не менее необходимо оно было и как опора благочестия и правоверия и поборница против неверия и неправоверия.

Оно было необходимо, как светильник и охрана чистоты правоверия от могущих под самыми разными сокровенными видами и названиями повлиять на него происков к соращению со стороны неверных.

Почему существование Введенского заведения и было полностью оправданно для тех, кто хоть сколько-нибудь был знаком с его многополезной деятельностью.

Братство прекрасно осознавало необходимость продолжения его существования, и было озабочено лишь тем, как бы дать этому заведению прочное существование, и навсегда его обеспечить. И из-за невозможности вместить в двух имеющихся тесных и малых церквях всех стекающихся сюда в большие праздники богомольцев оно заботилось о построении достаточно большой и просторной церкви.

Таким образом, в 1870-е годы главными и существенными нуждами заведения были:

1) По-прежнему призывать, ради Господа, нищенствующих и калек.

2) Содержать и воспитывать детей-сирот и детей бедных поселян.

И то и другое оно должно было делать, не ограничиваясь известным числом призываемых и учащихся, а соображаясь с наличными средствами и способами. На призрение бедных, снабжение нуждающихся продовольствием, на содержание и воспитание сирот и детей бедных поселян ежегодно употреблялось, кроме жертвуемого в зерне хлеба, от 2000 до 3000 рублей на одежду и другие жизненные потребности.

3) И, как уже говорилось, было необходимо построить новую церковь. По недороговизне камня и других материалов вместительную новую церковь можно было тогда построить за 25000 – 30000 рублей серебром.

Поэтому сделанное тогда братством Воззвание о пожертвовании на Тамурское заведение, в частности, гласило:

«Много суеتمدся все мы, – многого ищем. Много ожидаем и просим от Бога, а как-то нередко бывает, что или вовсе не получаем, или не так и не тогда, когда нам было желательно. Причиной тому, конечно, не Бог: Он весь добро и всем добра желает, и даже не может никому из Своего творения желать зла.

«Прóсите, – говорит Господь, – и не приемлите, зане зле просите».

«Если бы мы судили сами себя, то не были бы судимы»⁹ Как же Господь нас помилует, если мы других не милуем? Как же Господь услышит нашу молитву, если мы Бога не слушаем и не исполняем Его заповедей? Как даст нам здоровья и прочего, если мы никому ничего не дадим? Как он простит нам грехи, если мы другим не прощаем? Как нас спасет, если мы не спасаем других?

Ведь, Спаситель заповедует: «Давайте и дастся вам»,¹⁰ «блаженны милостивые, ибо они помилованы будут».¹¹ Не хотим быть милостивыми! А будь мы милостивы, ни в чем бы не нуждались.

Нелегко расстаемся мы с тленными предметами сего мира, – что-то удерживает нашу руку, – а не подумаем, свое ли даем?

Мы как родились нагими, так и отойдем из сего мира.

Наше богатство и почести только до гроба, – а там, за гробом остаются с нами одни лишь дела наши, добры ли они, или худы.

И кому же даем? Богу? Нет: Бог ни в чем не нуждается. Небо – Его престол, а земля – Его подножие; весь видимый и невидимый

---

⁹ 1 Кор. 11, 31.

¹⁰ Лк. 6, 38.

¹¹ Мф. 5, 7.

мир, и вся вселенная в Его деснице.

Не Богу, значит, и никому другому даем мы, а себе приготавливаем: что посеем, то и пожнем, – и с чем отойдем из мира сего, с тем и явимся на Страшном суде Христовом. Но мы как-то не радим о том, как-то откладываем это со дня на день, и не думаем, что уже лежит при корне дерева¹² нашей жизни секира смерти и посечет нас там и тогда, где и когда ни думаем, ни гадаем. Посечет нас она, как бесплодную смоковницу. И выброшены будем в огонь вечный, а там уже нет никому помилования. Там только одним милостивым будет сказано: «Приидите, благословенные Отца Моего, наследуйте Царство, уготованное вам от создания мира».¹³

Что же будет сказано скупым или немилостивым?

Будет сказано: «Идите от Меня, проклятые, в огонь вечный, уготованный диаволу и ангелам его».¹⁴

Отказывая в подаянии неимущим, мы извиняем себя иногда тем, что и сами нуждаемся. Боимся, что, пожалуй, разоришься, и сам будешь нуждаться. Но разорился ли праведный Авраам от того, что был милостив и страннолюбив? Не через милостыню ли он до того угодил Богу, что удостоился быть назван другом Божиим, первым и старшим человеком в Раю – отцом верующих.

Не за милостыню ли Бог благословил его таким богатством, что одних его домохозяев, то есть, прислуги, было до 400 мужчин, кроме детей и женщин?

Много ли нуждался святой Филарет Милостивый, раздав все

---

¹² Мф. 3, 10.

¹³ Мф. 25, 34.

¹⁴ Мф. 25, 41.

свое достояние бедным? Не явил ли на нем Господь такую милость, что он удостоился войти в родство с царем и свободно распоряжаться царскими сокровищами для той же милостыни?

Небо и земля мимо идут, а слово Божие не мимо идет. Нет человека, который оставил бы дом, и раздал бы все свое имущество ради Господа и Евангелия, и не получил бы за это сторицею...».

Примем же и мы с вами, читающие эти строки современные христиане, это старинное, но непреходящее по своему значению воззвание к нашему сведению, и не будем скупиться на помощь больным и бедным по Завету воплотившегося ради нашего спасения Сына Божия – Господа Иисуса!

А тогда, в то время для упрочения благотворительности Тамурских учреждений старец Иоанн отправился в 1870 году для сбора пожертвований в Санкт-Петербург, поселился в Александро-Невской Лавре, где в скором времени келейно принял монашеский постриг с именем Иаков. Массы народа стекались к нему для назидания, утешения и молитвы, многие приглашали его к себе на дом. И все делаемые при этом пожертвования немедленно отсылались старцем в далекое от северной столицы село Введенское. Напряженные духовные труды, старость и болезненность не позволили этому Божиему угоднику возвратиться живым в основанное им богоугодное учреждение, 20 марта 1876 года он скончался в Петербурге.

Отчет о собравшем много священства и столичного православного люда торжественном погребении ставшего монахом Иаковом Иоанна Алексеевича Кривцова был опубликован в отдельно

изданной в 1876 году в Санкт-Петербурге книге *«Погребение почившего старца слепца И.А. Кривцова»*. В том же году там же вышли книги *«Замечательный слепец Иоанн Алексеевич Кривцов»* и *«Краткие сведения об основании и нынешнем состоянии Введенской богадельни»*, материалы которых и были использованы в нынешнем издании, предпринятом в память праведных, в честь Пречистой Богородицы и Приснодевы Марии и во славу нашего в Троице Святой славимого Бога.